

VARIAE

V A R I A E

Красуцкая Е.В. (Казань)

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЖИЗНИ И СМЕРТИ В ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОЙ И ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ: СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Мифологические представления о жизни и смерти в языческих культурах во многом predetermined объективными обстоятельствами формирования этих культур. В рамках именно этих обстоятельств возникает глубокая связь между отношением к историческому прошлому, историческому настоящему и пониманием жизни и смерти, выражающемуся в погребальных обычаях. Говоря о специфике этой связи в древнеегипетской и древнегреческой культурах, исследователи отмечают, что "...египтянин отрицает уничтожаемость. Античный человек утверждает ее всем языком форм своей культуры... Египетская культура есть воплощение заботливости..., заботливости о будущем..."¹; мотив жизни этой культуры "скорее всего можно обозначить словом "дорога", которая совпадает с направлением и целью пути — гробом"². Этой дороге к желанной смерти, завершающейся мумификацией, античный человек противопоставляет "сожжение мертвых, акт уничтожения, в котором с полной силой выражено его привязанное к здешнему, вневременное существование"³.

Из внешних обстоятельств, предопределивших различие отношения к жизни и смерти в древнеегипетской и древнегреческой мифологиях (и, соответственно, в египетской и греческой культурах), исследователи отмечают достаточно часто роль природно-географических условий.

Своеобразие египетской культуры связано, прежде всего, с изолированным положением долины Нила, областью его разливов. Эти ежегодные разливы Нила, от которых зависело плодородие земли, играли решающую роль в жизни и хозяйстве египтян. Это, а также окружающая долину Нила губительная пустыня

¹ Шпенглер О. Закат Европы. М., 2000. С. 45.

² Там же. С. 265–266.

³ Там же. С. 201.

с ее зноем и хищными зверями, во многом определяло складывание специфического мировоззрения египтян⁴. Циклическое представление о времени, свойственное древним аграрным цивилизациям, способствовало истолкованию египтянами смерти как продолжения жизни. Однако тот же циклизм, сформировавшийся в иных условиях, сопровождается совершенно иным отношением к смерти, как это было у греков Средиземноморья. Мир Средиземноморья — это мир, где “все в меру”: “купы прелестной зелени”, “блестящие созвездия островов”, “крошечные нивы”, “хрустальная чаша неба”⁵, мир, рождающий особое отношение к жизни.

Поскольку любая мифология может рассматриваться на космогоническом, теогоническом и антропогоническом уровнях, постольку и проблема отношения к жизни и смерти должна быть соотнесена в процессе анализа с каждым из этих уровней.

В древнеегипетской мифологии, согласно гелиопольской космогонической школе, мир изначально представлял собой Хаос, первозданную водную стихию Нун. Из этого хаоса сам создал себя бог солнца (Ра, Атум). Он же потом сам себя оплодотворил, проглотив собственное семя, и сам породил мир и первых богов. Он создал Шу и Тефнут (воздух и влагу), которые, в свою очередь, родили Геба и Нут (небо и землю). Те же уже породили других богов (Осириса, Исиду, Нефтиду, Сета)⁶. Люди, согласно мифам, произошли либо из слез Ра, либо были вылеплены на гончарном круге богом Хнумом⁷. Боги — это олицетворение сил природы, они сами возникли из Хаоса, составив земной мир, и теперь вечны. Все же, что является продуктом их деятельности, будь то некие природные явления, такие, как рост растений, годовые изменения, разливы Нила, жизнь людей — имеет циклический характер, а значит, конечно в каждом цикле. Смерть касается всего, кроме богов, то есть олицетворяемого ими мироздания.

Тема вечного круговорота в мире характерна и для древнегреческой мифологии. Космогонические и теогонические сюжеты ее очень похожи на древнеегипетские, хоть и имеют несколько другую форму. Так же, как и в египетском представлении, изначально в мире зарождается Хаос. Следом за ним рождается земля (Гейя), Тартар и Эрос (Любовь), Ночь и Эреб. Гейя-Земля рождает Небо (Уран) и вместе с ним порождает первое поколение богов-титанов, которых потом сменяет поколение олимпийских богов (Hesiod. *Theog.* 116–505). В греческой мифологии боги олицетворяют также силы природы и другие категории и состояния (любовь, память, сон и т. д.). Однако все боги бессмертны, и это главное, что отличает их от людей. Люди же были вылеплены, по мифу, из гли-

⁴ Фрэзер Дж.Дж. Золотая ветвь. М., 1980. С. 340–361.

⁵ Тэн И. Философия искусства. М., 1996. С. 197–209.

⁶ Селиванова Л.Л. Сравнительная мифология. М., 2003. Т. 1. С. 62–64.

⁷ Мифология древнего мира: Ближний Восток, Греция, Рим. Казань, 2000. С. 10.

ны и воды титаном Прометеем по подобию богов⁸. Боги породили людей, и только они могут отнять жизнь. Они же могут сделать человека бессмертным, забрав его к себе на Олимп за определенные заслуги⁹. В общем же, на уровне космогонии и теогонии греческой мифологии мы наблюдаем ту же цикличность внутри вечного, как и в древнеегипетской. Мир и боги вечны, а боги — это и есть мир. Люди же, живущие в этом мире, полностью подчинены воле богов, и жизнь их является частью бесконечного круговорота, имея свое начало и свой конец.

Понятно, что представления о цикличности жизни и конечности мирского существования довольно схожи в мифологическом сознании древних греков и египтян, однако очевидно, что формы этих представлений разнятся, и различия эти обуславливаются особыми условиями развития этих цивилизаций. Можно проследить черты общего и особенного в представлениях о жизни и смерти на основании связанных с этим мифологических сюжетов и участвующих в них богов.

В той и другой мифологиях можно выделить ряд богов, принимающих участие в процессе перехода из жизни к посмертному существованию человека. В древнеегипетской мифологии главным богом, имеющим отношение к жизни и смерти, является Осирис. Это бог, связанный с растительным циклом, олицетворяющий собой вечное ежегодное умирание и возрождение. Кроме того, Осирис отождествляется с богом солнца Ра и является верховным божеством египтян¹⁰. После того, как он был убит своим братом Сетом, Осирис возрождается в царстве мертвых и становится его владыкой¹¹. В греческой мифологии похожим персонажем является Аид (Гадес), который тоже несет на себе функции владыки загробного мира¹². Однако он, в отличие от Осириса, не является верховным, почитаемым божеством, более того, он ненавистен людям и богам (Ном. II. XX.65). Не связан образ Аида и с растительным циклом. Образ жены Аида, Персефоны, имеет в этом смысле больше схожих с Осирисом черт¹³. Персефона, похищенная Аидом, не по своей воле стала царицей в загробном мире, так же, как и убитый Сетом Осирис. Она также олицетворяет умирание и возрождение растительности. На земле наступает зима, когда Персефона на одну треть года спускается в подземный мир, и все расцветает, когда она возвращается оттуда обратно¹⁴. Это довольно схожие с древнеегипетскими представления, и

⁸ Мифология древнего мира... С. 31.

⁹ Кулаковский Ю. Смерть и бессмертие в представлениях древних греков. Киев, 1899. С. 23.

¹⁰ Липинская Я., Марциняк М. Мифология Древнего Египта. М., 1983. С. 149.

¹¹ Коростовцев М.А. Религия Древнего Египта. СПб., 2003. С. 214.

¹² Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А. Боги и герои Древней Греции. М., 2002. С. 173.

¹³ Фрэзер Дж.Дж. Указ. соч. С. 368.

¹⁴ Менар Р. Мифы в искусстве старом и новом. СПб., 1993. С. 100–101.

здесь опять же видна связь с природными циклами, характерными для той и другой цивилизации.

Еще одним божеством, непосредственно связанным в древнеегипетской мифологии с процессом перехода от жизни к смерти, является Анубис, бог-покровитель умерших, почитавшийся в образе черного пса или шакала, либо в виде человека с головой шакала¹⁵. Некоторые исследователи видят связь этого образа с образом древнегреческого Кербера — пса, охраняющего вход в царство Аида¹⁶. Однако связь здесь обнаруживается лишь во внешнем облике. Гораздо в большей степени схожи функции Анубиса с функциями другого греческого персонажа — Гермеса. Гермес, посланник богов, как и Анубис, является проводником душ умерших в загробный мир (психогогом)¹⁷. Он также является покровителем умерших, и даже имя его переводится как “куча камней”, “надгробие”¹⁸. Анубису, кроме всего прочего, принадлежат функции бога бальзамирования и мумификации. Для греческого же мира эти понятия чужды, поэтому ни на кого из богов подобные функции не возложены.

Что касается древнеегипетской мифологии, то здесь, пожалуй, больше не найдется богов, непосредственно связанных с явлением жизни и смерти. В переходе в иной мир человеку помогает Анубис, после чего умерший предстает непосредственно перед судом Осириса, о котором будет сказано ниже. В греческой же мифологии процесс жизни и особенно умирания представлен намного сложнее. Здесь больше как бы “непосредственных исполнителей”. Жизнь человека определяется роком, олицетворяемым мойрами. Кроме того, боги активно участвуют в судьбе каждого смертного. Определяют мойры и конец человеческой жизни. Он наступает тогда, когда мойра Атропос (“Неотвратимая”) перерезает нить жизни¹⁹. Далее механизм следующий: момент смерти определен, но сама смерть может быть разной, и в зависимости от этого ее приносят разные персонажи. Легкую и внезапную смерть несут стрелы Аполлона мужчинам, а Артемиды — женщинам (Ном. *Odys.* XI.198–199). Мучительную, долгую смерть от болезни несут Эринии (*ibid.* XI.280), три богини мести, ужасные на вид²⁰. Далее душа умершего переходит в руки Танатоса, олицетворяющего смерть (Ном. *Il.* XVI.672). В сопровождении Гермеса она отправляется в царство мертвых, где ее переправляет через подземную реку лодочник Харон, но лишь в том случае, если совершен погребальный обряд. В царстве мертвых душа пред-

¹⁵ Рубинштейн Р.И. Анубис // Мифы народов мира. М., 1989. Т. 1. С. 89.

¹⁶ Грейвс Р. Мифы Древней Греции. М., 1992. С. 87.

¹⁷ Менар Р. Мифы в искусстве старом и новом. СПб., 1993.

¹⁸ Смьшляева В.Л. Введение в историю античной культуры (Культура Древней Греции). Уфа, 1993. С. 23.

¹⁹ Лосев А.Ф. Мойры // Мифы народов мира. М., 1989. Т. 2. С. 169.

²⁰ Грейвс Р. Указ. соч. С. 88.

стает перед самим Аидом и Персефоной и перед судом, тема которого возникает в более поздних вариантах мифа.

Если подробнее коснуться топографии царства мертвых в мифологии древнего Египта и древней Греции, то здесь тоже можно выделить общие и особенные черты. Начнем с того, что в обеих мифологиях местонахождение его связывают с западной стороной света. Закат в обоих случаях является символом смерти. Также в обеих культурах существует представление о том, что мир мертвых находится под землей, то есть это область подобная небу, но находящаяся под землей. В египетской мифологии это Дуат, в греческой — Тартар. Дуат — это подземное небо, по которому проплывает ночью барка бога солнца Ра²¹, Тартар — место, где залегают все концы и начала, это тоже “нижнее небо”.

Согласно древнеегипетской мифологии, покойный отправлялся на запад, в подземное царство, но его путь туда был сложен. На своем пути он встречал извилистые тропы, разделенные огненным озером. На берегах его душу подстерегали ужасные чудовища, запертые ворота. Чтобы разговаривать с чудовищами и отпирать двери, покойник должен был знать соответствующие заклинания, в чем ему помогал Анубис. Подземный мир разделен на участки, куда вели ворота и где имелись каналы, пещеры и холмы, охраняемые демонами²². После прохождения четырнадцати ворот умерший попадал в Чертог Двух Истин, где находятся 42 бога, перед которыми он произносил “Исповедь отрицания”, заверяя, что он невиновен в 42 преступлениях. Умерший предстал перед великой Эннеадой (девяткой египетских богов) во главе с Ра и подвергался с их стороны допросу. Суд над умершими осуществлял сам Осирис. Перед ним покойный предстает, когда его сердце взвешивается на весах (осуществляется психостасия). Анубис смотрит на стрелку весов, бог Тот с головой ибиса записывает результат. Вес сердца сравнивается с пером — символом богини истины Маат. Если весы останутся в равновесии, то умерший оправданным попадал на райские поля Иалу²³. Это место, где каждый занимается своим делом и получает достойную награду за свои труды, где всегда земля дает хороший урожай, то есть вариант идеальной земной жизни для египтянина. Если же стрелка весов отклонялась, покойный считался грешником и его сердце пожирало чудовище Амнат. Души грешных ждало посмертное наказание: они не могли соединиться с телом, чтобы

²¹ Липинская Я., Марциняк М. Указ. соч. С. 96.

²² Там же. С. 131.

²³ Селиванова Л.Л. Указ. соч. С. 82–84.

жить полноценной жизнью праведного покойника, существовали вниз головой, часто связанные, обезглавленные, во мраке и холоде²⁴.

Путь в греческий Аид лежит через Океан. Там, на западе, в мрачных подземных просторах, ниже которых только Тартар (Ном. II. XX.61–65), есть берег, на котором растет лес из ракит и черных тополей. Там текут, сливаясь, подземные реки: Пирифлегетон (“огнем пожирающий”), Кокит (“стенающий”), Ахеронт (“поток печали”), Лета (“река забвения”), Стикс (“ненавистный”) (Ном. Od. X.508–515). В царство мертвых души умерших перевозит через Ахеронт мрачный лодочник Харон²⁵. Тени умерших, то есть их призраки, бродят по асфоделевым лугам. Они бестелесны и лишены сознания и памяти, так как выпили воды из реки забвения Леты. Сознание и речь возвращается к ним лишь в том случае, если они напьются жертвенной кровью (Ном. Od. XI.146–149). Где-то в мрачных глубинах этого пространства, Эребе, находится дворец Аида и Персефоны (Hesiod. Theog. 767–768), там же восседает судья над мертвыми, Минос (Ном. Od. IV.564), а в более поздних вариантах мифа еще и Эак и Радаманф²⁶. Тема суда и посмертных наказаний появляется в греческой мифологии позже. У Гомера, например, упоминаний об этом крайне мало, а загробная кара обрушивается у него лишь на героев, причинивших вред богам, таких, как Титий, Тантал и Сизиф (Ном. Od. XI.576–600). В остальном же нет в Аиде различий между душами, здесь все они влекут одинаково безрадостное существование. И нет у них возможности из него выйти. Ни одна душа не может покинуть царство Аида, и следит за этим ужасный пес Кербер²⁷.

ом мире. Попадание в египетский сопряжено со многими трудностями, но там, при условии праведной жизни на земле, душу ждет блаженство. Греческое царство мертвых неизбежно так же, как невозможно оттуда выбраться. Это отражает отношение к жизни и смерти в обеих этих культурах. Однако в греческой мифологии для покойного все не настолько плохо, потому что существует такая область как Элизиум (Елисейские поля), куда должны попадать души особо отличившихся хорошими делами людей. Там души умерших вели беззаботное счастливое существование. Только боги могли отправить туда человека после смерти²⁸. Вряд ли это место могло находиться в мрачных глубинах подзе-

²⁴ Мифология древнего мира. С. 12.

²⁵ Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А. Указ. соч. С. 181.

²⁶ Тахо-Годи А.А. Аид // Мифы народов мира. М., 1989. Т. 1. С. 52.

²⁷ Там же.

²⁸ Кулаковский Ю. Указ. соч. С. 24.

мелья Аида, где кроме всего вышеперечисленного находилось жилище сумрачной Никс (ночи), ее сыновей Гипноса и Танатоса (сна и смерти), на которых никогда не взирает Гелиос (солнце) (Hesiod. *Theog.* 744–766). Здесь же дом ужасной богини Стикс и Гекаты, богини колдовства. Здесь же обитают Эринии, богини мести, несущие смерть²⁹.

На основании сделанных выше наблюдений, мы можем составить некое представление о том, как воспринимались такие явления как жизнь и смерть в древнеегипетской и древнегреческой культурах. Мы нашли некоторые общие черты, касающиеся этих понятий, но в то же время мы видим, насколько различна концепция жизни и смерти в этих цивилизациях на рассматриваемых этапах.

Для египтянина смерть — это закономерное явление, которого он ожидает в течение всей жизни, к которому готовит себя, с ней он связывает лучшие свои надежды. И надежды эти должны оправдаться, если будет соблюден ритуал, обеспечивающий сохранение всех составляющих человеческого естества (таких как тело, физический двойник “ка”, душа “ба”, ум “ху”, тень, имя и др.³⁰). Отсюда такой развитый заупокойный культ. Земная жизнь египтянина — это тяжелый труд, постоянная борьба за существование, борьба с природой. Посмертная же жизнь — это вечно цветущая долина подземного Нила, дающая достойное вознаграждение за труд. Загробная жизнь для египтянина — это, с одной стороны, продолжение земной, а с другой, вознаграждение за нее. Там, по его представлениям, его ждет все то, чего хотелось бы ему иметь в настоящей жизни. Поэтому смерть для него — радостный момент, а жизнь — подготовка к этому великому моменту.

Мифологические представления древних греков выражают совершенно другое отношение к ценности жизни и к смерти. Здесь ясно видно, что ценность заключается именно в земной жизни. После смерти нет ничего, что могло бы заставить грека мечтать о ней, готовить к ней себя заранее. Ему может быть хорошо только “здесь и сейчас”.

В заключение, возвращаясь к проблеме факторов, обусловивших своеобразие мифологического восприятия жизни и смерти в Египте и Греции, необходимо отметить, что исследователи обращают особое внимание на степень выделенности индивидуального начала в той или иной культуре³¹. Там, где степень индивиду-

²⁹ Тахо-Годи А.А. Греческая мифология. М., 1989. С. 152.

³⁰ Селиванова Л.Л. Указ. соч. С. 88.

³¹ Эта проблема находит отражение в работе: Обидина Ю.С. Развитие идеи бессмертия в античности с древнейших времен до утверждения христианства. Йошкар-Ола, 2003.

ального начала незначительна (древний Египет), то конец существования человека не осознается как проблема; там же, где это индивидуальное начало сильно (древняя Греция), смерть воспринимается трагически.

М.А. Богатов (Саратов)

ТРИ ВОПРОСА ОБ АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ СЕГОДНЯ

...Можно, правда, питать надежду, что искусство все больше и больше будет расти и усовершенствоваться, но его форма перестала быть самой высшей потребностью духа. Мы можем сколько угодно находить превосходными греческие статуи богов, достойными и совершенными изображениями Бога-Отца, Христа и Марии, — это ничего не изменит: мы все же не преклоним колен.

*Георг Вильгельм Фридрих Гегель*¹

1. Вопрос об актуальности античной философии

Словами, вынесенными в эпиграф, Гегель публично охарактеризовал убывающую роль искусства в современную ему эпоху, возлагая надежды на господство рефлексивного, философского знания. Искусство еще здесь, оно будет продолжать свое существование, но оно сдало свои властные полномочия в университетскую среду. Отныне нужны не герои, как в период межвластья (довластья), но цивилизованные в своих образованности и самосознании граждане. Это — четкая позиция Гегеля, низводящая искусство, каким оно выступало у греков, до чистой служебности в реалиях первой половины XIX в. Нашей целью, однако, вовсе не является изложение позиции Гегеля по данному вопросу; к тому же, можно не без оснований предположить, что она общеизвестна. Речь пойдет о другом — о роли греческой мысли в сегодняшнем гуманитарном образовании, о некоторых частных аспектах, по которым можно судить о сдающей свои позиции значительности античности в наше время.

В этом смысле процитированные слова Гегеля можно с полным правом отнести к самой философии сегодняшнего дня. И, соответственно, к той наиболее фундаментальной ее части, которую принято относить к рубрике “античная философия”. Здесь необходимо подвергнуть рассмотрению эту самую фундаментальность и попытаться проследить причины, вследствие которых она сегодня стремительно теряет свою актуальность.

Сразу стоит отметить, что когда мы говорим о снижении актуальной — т.е. действительной, — роли античной философии в гуманитарных науках, мы вовсе не хотим тем самым сказать, что философия греков перестает преподаваться в высших учебных заведениях, не издаются соответствующие источники и исследования. Как раз наоборот: рубрика “античности” прочно заняла свое место в учебных планах образовательных программ для философов, а сама философия —

¹ Гегель Г.В.Ф. Лекции по эстетике // Гегель Г.В.Ф. Сочинения. М., 1938. Т. VII. С. 107.

в учебных планах всей системы высшего образования в принципе. Но разве распространённость есть критерий актуальности? Наш вопрос касается именно роли античности в философии не лишь образовательного, но к тому же живого, исследовательского толка. Насколько актуальна, скажем, философия Анаксимандра или Гераклита для ученого, собирающегося раскрыть в собственном исследовании одну из значимых современных проблем?

Ответ на этот вопрос будет несколько удручающим не только для роли античности, но и для самой философии в принципе — она не обращается к своему наследию тем больше, чем чаще привлекает в качестве своего предмета такие области, которые саму ее низводят до статуса чисто функциональной дисциплины: от общеобязательного курса философии в университетах, институтах и академиях до исследований, посвященных проблемам современного менеджмента в контексте снижения стратегических рисков в бизнесе крупных корпораций. Какова здесь роль Гераклита?

Решая вопрос о роли античной мысли в современной философии, мы с необходимостью упираемся в проблему самоопределения философии как таковой. Измерить степень значимости знания можно только там, где само знание понимается как результативное, функциональное, изначально измеряемое. С такой позиции античная мысль — это общее место для студента любой философской специальности; это то, что необходимо знать каждому. Необходимо ли? Или же это можно обойти? Эти вопросы подпадают под тему трансформации отношения к истории в наше время.

...Если, с одной стороны, бесчисленное множество разумных вещей ведется самым безрассудным образом, то, с другой стороны, встречаются и безрассудства, которые проводятся очень разумно.

Шарль Монтескье²

2. Вопрос об историческом подходе к античной мысли

Современная эпоха демократизации привносит в гуманитарные дисциплины требование понимать другое в качестве другого, не осуществляя над его чуждостью акта метафизического насилия, в результате которого другое было бы тоталитарно уподоблено тому, кто к нему обратился. Традиция передачи исторического знания с этой позиции может быть подвергнута обвинению в господстве просвещенческой идеологии, когда все, что было до нас суть лишь предваряющая наше собственное появление ступень, к которой мы и должны соответственно относиться. Самый яркий пример подобной позиции — это “греки и варвары” как критерий деления мира для Аристотеля, “дикость туземцев” и “бесчеловеч-

² Монтескье Ш. О духе законов // Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955. С. 614.

ность дикарей” для мыслителей (включая Канта) и политиков XVII – XVIII вв. Такой мир истории действительно лишается своей чуждости, статуса своего собственного существования; человечество есть большая семья. Те эпохи, народы и события, которые не вписываются в подобную картину единого рода, исключаются из истории в качестве случайных, периферийных, служебных. Несмотря на такое исключение, в подобном представлении есть одно позитивное начало — история предстает единой, у нее имеется определенная интенция развития.

Но именно такая универсальность и мешает понять по существу чуждое нам. А это значит: мы постигаем в истории лишь то, что стремимся постичь, к чему уже заранее готовы. Или, выражая то же самое более радикальным образом: мы придумываем свою историю, и поэтому совершенно не способны принять действительное в качестве такового. Так понятая история не учит нас тому, чему мы не хотим у нее учиться. Вся ответственность за восприятие и передачу былого ложится на плечи того, кто обращается к истории с собственными ожиданиями. Он должен быть образован таким образом, чтобы желать от истории того, что она ему преподнесет в собственной полноте. И в подобном случае, когда сама система образования берет на себя часть ответственности за былое, мы можем говорить о классической традиции образования³. Именно она подвергается — с середины XIX в. и по сегодняшний день включительно, — критике за игнорирование прав исключенных из единой линии исторического развития вследствие их чуждости, принципиальной невписываемости в единое и стройное понимание.

Как мы отметили с самого начала, подобная критика исходит из определенным образом организованной структуры самой современной эпохи, из демократизации как существенного предиката всего наличествующего. Предикат “демократическое” должен быть приписан и к историческому пониманию всех без

³ Именно в XIX в. формируется окончательный подход к подобной традиции образования. В качестве такого рода историко-философских исследований, с одной стороны, утверждающих, а с другой — закрепляющих традиционный подход к истории античной мысли мы могли бы назвать “Философию греков” (1844–1852) в шести томах Эдуарда Целлера (1814–1908), много томную “Историю новой философии” (1852–1877) Куно Фишера (1824–1907), С другой стороны, именно в то же время начинается разложение указанной традиции отношения к античности, которое мы символически можем связать с уходом Ф. Ницше (1844–1900) из лагеря филологов-классиков вследствие публикации им своей работы “Рождения трагедии из духа музыки, или Эллинство и пессимизм” (31 декабря 1871 г.). Чуть ранее, в письме Вагнеру, Ницше писал об устоявшейся традиции отношения к грекам: “Надо обновить идею эллинизма, так как мы пользуемся общими ложными данными... Греки верили в то время, подобно современным европейцам, в фатализм естественных сил, в то, что должны сами создать себе и добродетель, и богов... Между греками и нами можно провести полную параллель: пессимизм и мужественная воля созидания новой красоты” (цит. по: *Галеви Д.* Жизнь Фридриха Ницше. Ростов-на-Дону, 1998. С. 80–81.

исключения эпох — именно для того, чтобы они якобы предстали перед нами в полном раскрытии их сущности и без излишних случайностей. К примеру, мы можем понять, что данный строй является тоталитарным, если мы подойдем к нему демократически, дадим ему право высказать и проявить себя полностью. Демократическому пониманию здесь приписывается та же самая универсальность, которая отбирается им у “тоталитарной” просвещенческой идеологии. Чтобы постичь чуждое демократическому мироустройству в истории, само понимание истории должно стать демократическим; это именно тот принцип, который выдвигается со времени окончательного формирования историзма⁴, причем, само это “должно стать” требуется с невероятной тоталитарной настойчивостью, закрепляемой на институциональном уровне образовательных структур.

Как видно, речь здесь идет не об истине в истории, но об определенной очередной ее идеологизации за счет которой мы стремимся решить наши собственные проблемы. Почему же это с необходимостью происходит за счет античности в том числе? Во-первых, потому что она является частью нашей общей истории. Во-вторых, именно в ней скрыто то, что заставляет нас вновь и вновь спрашивать себя о себе же самих. Способны ли мы сегодня на раскрытие этого побуждающего?

3. Вопрос о нашем понимании действительности

Когда мы спрашиваем о возможности античной мысли сегодня раскрыться в качестве действительной, а не лишь исторически свершенной, мы должны учитывать то обстоятельство, что наша эпоха, с одной стороны, совершенно не способна к восприятию простого (каким является по существу греческая философия) и, с другой, ставит себе в качестве ценности воспитание и сохранение собственной идентичности.

В подтверждение первого тезиса, ограничиваясь рамками статьи, можно привести несколько высказываний, звучащих из современности, относительно понятий, вырабатываемых греками: “что касается апейрона, то это уже полностью мысленный конструкт, существующий только в эфире чистых тождеств абстрактного мышления и ближе всего соответствующий более позднему понятию бытия”⁵; “у Анаксимандра и Гераклита абстрактное начало толкуется как некая мысленная конструкция (апейрон и логос соответственно), которая обретает свое

⁴ Наиболее подробное классическое исследование по историзму см.: *Мейнеке Ф.* Возникновение историзма. М., 2004.

⁵ *Лигалев А.* Призрачная реальность культуры (Фетишизм и наглядность невидимого). Волгоград, 2003. С. 190–191.

тело лишь в словесно-знаковой материи языка”⁶; “природа по сравнению с миром — это плод абстракции, это то, что остается от мира, если воспринимать его чисто созерцательно”⁷... Мы усложняем бывшее, чтобы нам проще было его воспринять. От современного отношения к античной мысли словно бы скрылось значение простого. Безусловно, немалую роль в становлении подобной сложности ради простоты сыграла французская школа семиотики, утвердившая в итоге, что реальность есть набор знаков, в которой отсутствует само означаемое, простое; мы вправе употребить здесь понятие симулякра как способа отношения к действительности⁸. Это крушение надежд классического структурализма заставляет воспринимать простое не в качестве существующего как такового, но как игру/произведение/проекцию других элементов. Античность закрывается от нас нашими собственными ожиданиями.

В качестве оппозиции можно было бы предложить сознательное противостояние усложнению, интенция упрощения философии античности (когда заявляется, что, например, Платон говорил только то, что говорил, ничего не имея в виду сверх сказанного — и игнорируется непреодолимая двусмысленность такого “простого” заявления). Но и в этом случае идет та же самая игра идеологизации, не имеющая отношения к истории мысли. Она не проще и не сложнее: *она другая*. Что требуется для того, чтобы понять хотя бы это? — вопрос выходящий за рамки статьи.

Но если необходимо было бы указать на горизонт, который открывается подобным вопросом, мы здесь должны были бы обратиться к ценности самоидентичности. Понять другое без уподобления самому себе, без тоталитарного поглощения и уравнивания можно лишь в одном случае: когда понимающий готов отказаться от своей самости, когда он готов к тому, что неизвестно в принципе. В последнем предложении нет противоречия: подготовиться к тому, что неизвестно — это значит быть согласным на то, что завтра может не наступить; или понимающий другое завтра не сможет вспомнить своего вчера. Разве не это приближение к смыслу становления у того же Гераклита?

Именно здесь мы впервые вступаем в область действительного, а не искусственно воспроизведенного под лозунгом “действительного”. И только здесь актуализируется греческая мысль — по живому, не функционально, — поскольку

⁶ Пигалев А. Призрачная реальность... С. 249.

⁷ Слинин Я. Возникновение философии Хайдеггера из феноменологии // М. Хайдеггер. Сборник статей. СПб., 2004. С. 109.

⁸ Именно такое понимание: симулякра как отношения к объекту, *действия*, а не самого объекта мы встречаем в исследовании: Спиридонов Ю. Феномен “укоренности-в-бытии” в контексте онтологии М. Хайдеггера. Саратов, 2004. С. 38–40.

греки находились именно перед лицом такой же действительности, которая не может никому гарантировать коммунальные удобства цивилизованного быта. Способны ли мы мыслить в подобных условиях, в такой неусложненной простоте? Лишь в зависимости от ответа на этот вопрос решится судьба нашего собственного времени, которое, словно запертое в надежном сейфе — и, в то же время, на виду у всех, — хранится под замком истории античной мысли.

Л.М. Шмелева (Казань)

НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
С.П. И Д.П. ШЕСТАКОВЫХ
В 20–30-е ГОДЫ XX в.

В когорту видных профессоров историко-филологического факультета Казанского университета начала двадцатого века входили известные ученые — доктора греческой словесности братья С.П. и Д.П. Шестаковы. Старший из них — Сергей Петрович Шестаков (1864–1940) — 1917 г. встретил в должности заслуженного ординарного профессора и декана историко-филологического факультета, а Дмитрий Петрович (1869–1938) — в должности ординарного профессора кафедры греческого языка и словесности. Большинство профессуры Казанского университета не приветствовали революционных изменений в стране после февраля 1917 года. Академические традиции в Казанском университете были столь сильны, что на первый взгляд казалось: ничто не может их поколебать. Университетская администрация и профессура не желали изменений, даже если эти изменения предлагало им Временное правительство, политику которого они в целом одобряли. Соответственно к мероприятиям большевиков профессура отнеслась с еще большим неприятием¹.

В известном смысле водоразделом в жизни университета стал июнь 1918 г., когда профессорская корпорация оказалась перед проблемой определения курса жизни в новых политических условиях. Она связывалась, прежде всего, с выбором ректора университета. В условиях политической нестабильности и начавшей в 1918 г. гражданской войны ни один из профессоров Казанского университета не желал брать на себя управление университетом — все отказывались от исполнения обязанностей ректора. Причины отказов были разные, но в основном мотивировали их не политическими причинами. Первым, кому пришлось определяться, оказался старейший из деканов — С.П. Шестаков, который на основании 421 ст. XI т. Свода Законов Российской империи первым должен был вступить во временное исполнение обязанностей ректора. Выдвинутая мотивировка отказа от исполнения обязанности ректора явно свидетельствовала и о растерянности профессора, и о его явном нежелании брать непосильную ношу. Шестаков говорил о том, что, “принимая на себя должность декана, он имел в виду определенный круг обязанностей, что сильно утомленный за учебный год он рассчитывал на необходимый ему отдых и что профессор Д.А. Гольдгаммер, имеющий специальное от Совета поручение исполнять должность ректора, так

¹ Сальникова А.А. Революционные потрясения: 1917–1922 годы // Очерки истории Казанского университета. Казань, 2002. С. 150.

внезапно отказался”². Университет не мог остаться без ректора. В результате прений было определено отложить выборы ректора до начала нового учебного года и просить профессора Д.А. Гольдгаммера исполнять обязанности ректора, но он 5 июля категорически отказался от ректорской должности и Совет постановил, что должность переходит к старейшему из деканов. Сергею Петровичу Шестакову пришлось исполнять обязанности ректора до начала августа 1918 г., когда и.о. ректора снова стал Д.А. Гольдгаммер³.

События августа 1918 года потребовали конкретного определения позиции по отношению к новому режиму. После захвата Казани войсками Народной армии Самарского правительства Комитета членов Учредительного собрания (Комуч), университетская профессура разошлась в позициях. Многие поддержали Комуч, в том числе и Совет Казанского университета. Отчасти этому способствовало проявление активного внимания Самарского правительства к проблемам образования и науки. За резолюцию проголосовали 35 членов совета⁴, при том, что почти одна треть членов Совета находилась вне Казани.

После занятия Казани Красной армией профессор Д.А. Гольдгаммер был арестован 11 сентября ВЧК по борьбе с контрреволюцией. В соответствии с правилами и.о. ректора снова стал С.П. Шестаков⁵. Вечером того же дня были арестованы все члены Совета университета. Вскоре они были освобождены, кроме профессора Д.А. Гольдгаммера. В этой ситуации С.П. Шестаков исполнял должность ректора до 8 октября 1918 г., когда передал исполнение этой должности профессору В.В. Ивановскому.

Все эти события сильно отразились на состоянии здоровья Сергея Петровича, и на заседании Совета университета 12 октября 1918 г. он просил ректора и Совет университета освободить его от обязанностей декана “вследствие болезни и крайнего переутомления административной и канцелярской работами, а также в виду невозможности иметь более досуга для обработки новых объявленных мною курсов, в частности в учебно-просветительской ассоциации”⁶. Решением Совета С.П. Шестаков был освобожден от занимаемой должности.

Однако прошедшие несколько дней спустя выборы на историко-филологическом факультете показали, что примерно такая же обстановка нежелания сотрудничества с новой властью была и здесь. Поэтому не удивительно, что избранным деканом вновь оказался С.П. Шестаков, имеющий некоторый опыт сотрудничества с властью большевиков.

² Национальный архив республики Татарстан (НАРТ). Ф. Р-1337. Оп. 1. Д. 4. Протоколы заседаний Совета университета. 1918 г. Л. 168.

³ Там же. Л. 178–206.

⁴ Сальникова А.А. Указ. соч. С. 152.

⁵ НАРТ. Ф. Р-1337. Оп. 1. Д. 4. Л. 225.

⁶ Там же. Л. 236–237.

С осени 1918 года начинается реформирование высших учебных заведений. Осуществлялось это реформирование в направлении коренного изменения существующего учебного процесса и структуры факультетов, и в первую очередь это касалось гуманитарных факультетов. Первые меры в плане реорганизации высшей школы были предприняты СНК в декабре 1918 г., когда были отменены все ученые звания, ученые степени доктора и магистра и были назначены перевыборы на всех кафедрах.

Проведенные перевыборы профессоров не внесли никаких изменений в состав преподавателей факультета: все профессора были переизбраны на свои кафедры⁷. После этого С.П. Шестаков вновь избирается деканом историко-филологического факультета. В этот период Сергей Петрович читает в университете курсы по истории греческой литературы и греческим частным древностям, а также ведет занятия по изучению греческих элегических поэтов, по греческой диалектологии, по греческой эпиграфике. Эти курсы он читает на славяно-русском и классическом отделениях. Кроме того, он ведет элементарный курс греческого языка для студентов всех отделений факультета⁸.

Попытки преобразования историко-филологического факультета начались с весны 1919 года. 3 марта 1919 года было издано Постановление Наркомата просвещения о создании факультетов общественных наук (ФОНов) на основе слияния юридического факультета и исторического отделения историко-филологического факультета. Этот проект вызвал сильный протест преподавателей как историко-филологического, так и факультета общественных наук. Сергей Петрович считал такое слияние преждевременным, тем более что в программу исторического отделения были уже введены некоторые общественные дисциплины. “По моему убеждению, как декана факультета, дальше этого мы пока идти не можем и оснований не имеем”, — говорил С.П. Шестаков на объединенном заседании Историко-филологического факультета и факультета общественных наук⁹.

Комиссией из профессоров ИФФ и ФОНа, в которую входил и С.П. Шестаков, была предложена программа слияния двух факультетов, предусматривающая открытие 7 отделений: экономического, юридического, исторического, классической филологии, словесное, восточное, философское. “Такой единый факультет оправдывался бы теоретически, так как все науки указанных циклов изучают различные стороны социальной жизни человека и потому самым тесным образом связаны между собой. Он оправдывался бы и практически: необходимостью для всех отделений одних и тех же пропедевтических наук, как-то

⁷ НАРТ. Ф. Р.-1337. Оп. 2. Д. 1. Л. 17.

⁸ Шофман А.С. С.П. Шестаков и его византийские штудии // ОРРК НБЛ КГУ. Ф. 24. Ед.хр. 138. Л. 12–13.

⁹ НАРТ. Ф. Р.-1337. Оп. 2. Д. 1. Протоколы заседаний историко-филологического факультета. Л. 65.

наук философских, политической экономии, социологии, общих исторических курсов”, — таково было обоснование предложенного соединения двух факультетов¹⁰. Однако на таких условиях соединить факультеты не удалось. И факультет общественных наук был создан только из бывшего юридического факультета.

Последним испытанием для факультета было упразднение в российских университетах с 1 июля 1921 года историко-филологических факультетов и создание на их базе факультетов общественных наук, “имеющих задачей создание кадров научно-подготовительных — практических работников социалистического строительства”¹¹. Однако и здесь С.П. Шестаков предлагает вариант слияния двух факультетов, предусматривающий сохранение имеющегося в Казани потенциала развития гуманитарных исследований. “В виду закрытия историко-филологического факультета возникает необходимость озаботиться о том, чтобы в РСФСР не вымерла исследовательская работа в области гуманитарных наук и чтобы не прекратилось их развитие” было предложено в рамках ФОН образовывать 5 институтов: лингвистики, философии, психологии и педагогики, литературы и истории¹². В НАРТ в фонде Казанского университета сохранилось дело “Материалы по организации ФОНа и упразднении ИФФ”, в котором представлены и программы исследований по всем пяти институтам¹³.

Все эти предложения факультетов были направлены на сохранение филологического и исторического образования, однако не были осуществлены. Факультет общественных наук просуществовал недолго, до августа 1922 года, когда он вошел в состав Восточного педагогического института (ВПИ).

В 1921–22 учебных годах С.П. Шестаков на ФОНе читал курс по истории античного социализма. Задача этого курса, по словам лектора, состояла в том, чтобы проследить развитие теории социалистических учений от античной древности (Греция и Рим) до нового времени. Изложение социалистических теорий предлагалось в связи с экономическим и социальным положением в обществе. Предполагалось дать обзор источников и литературы по истории социалистических теорий в древности и в новое время, указать на связь античных и современных идей, на утопичный характер социалистических теорий в древности и новое время, рассмотреть отношение к собственности, к классовой дифференциации и т. д. Для этого С.П. Шестаков привлек большой круг трудов по истории нового социализма¹⁴.

На факультете общественных наук С.П. Шестаков продолжал читать лекции по истории Византии и преподавать греческий язык. Кроме того, он стал читать лекции по истории Древнего Востока, историю греческой и итальянской литера-

¹⁰ НАРТ. Ф. Р-1337. Оп. 2. Д. 1. Л. 67.

¹¹ Официальные сообщения // Вестник народного просвещения ТССР. 1921. № 2. С. 54.

¹² НАРТ. Ф. Р-1337. Оп. 2. Д. 4. Л. 6.

¹³ Там же. Л. 60б – 90б.

¹⁴ Там же. Ф.Р-1337. Оп. 27. Д. 13. Л. 52–53.

туры, а также вел занятия по итальянскому языку¹⁵. В 1921 и 1922 гг. Сергей Петрович подавал прошения о разрешении ему командировок в Москву и Петроград на летнее время. Целью обеих командировок было завершение учебных курсов и статей. Однако мы не имеем сведений о том, состоялись ли эти командировки и каковы их результаты.

После революции 1917 года и до закрытия историко-филологического факультета в июне 1921 г. Дмитрий Петрович Шестаков преподавал в Казанском университете на кафедре греческого языка и словесности. Он вел занятия по греческому и латинскому языкам, читал лекции по среднегреческой литературе. После смерти в 1918 г. проф. Д.И. Нагуевского он взял на себя преподавание всех его курсов. На факультете общественных наук преподавал историю Греции, историю религий древнего мира, историю польской литературы XIX в., историю античной литературы.

Параллельно С.П. и Д.П. Шестаковы работают и в других высших учебных заведениях Казани.

В 1917 г. создается Северо-восточный археологический и этнографический институт (СВАЭИ), включавший несколько отделений. С 1919 г. С.П. Шестаков был деканом археологического отделения¹⁶. На этом же отделении С.П. Шестаков читал курс общей и византийской палеографии и курс доисторической культуры Эгеиды на археологическом отделении, а также лекции по древним языкам, византийской литературе. На археологическом отделении он читал лекции по Греко-римской археологии. Из сохранившегося отчета по курсу “Общая и византийская палеография” видно, что студентам давалась обширная подготовка по этому предмету, включавшая ознакомление с историей развития письменности, разбор стилей письма, основательное знакомство с папирусами. Привлекались публикации папирусов в качестве учебных пособий¹⁷.

Д.П. Шестаков также преподавал в СВАИЭ, где читал лекции студентам Восточного отделения о связях греков с восточными странами¹⁸.

В 1920–23 годах в Казани действовала Восточная Академия. Сюда же в 1920 году был включен СВАЭИ. С.П. Шестаков преподавал в Восточной Академии, где читал лекции по истории Древней Греции и Востока. Дмитрий Петрович также читал здесь курсы лекций. В 1923 году Восточная Академия была включена в состав Восточно-педагогического института. С закрытием ФОНа и Восточной Академии ВПИ остался единственным учебным заведением с гуманитарными науками в Среднем Поволжье. В ВПИ существовали 2 исторические кафедры: русской истории и всеобщей истории. В состав последней и

¹⁵ НАРТ. Ф.Р-1337. Оп. 27. Д. 13. Л. 25.

¹⁶ *Бречкевич М.В.* Северо-Восточный Археологический и Этнографический Институт в Казани // ИОАИЭ. 1919. Т. XXX. Вып. 1. С. 84.

¹⁷ НАРТ. Ф. Р-1339. Оп. 1. Д. 4. Л. 53-54.

¹⁸ Там же. Оп. 2л. Д. 14. Л. 7.

вошли С.П. и Д.П. Шестаковы. С.П. Шестаков в ВПИ читал курс “История античной культуры”, курс по истории Древней Греции. В период работы в ВПИ заведует Археолого-нумизматическим музеем¹⁹.

В ВПИ Дмитрий Петрович читал лекции по античной и западноевропейской литературе; он заведовал там кабинетом античной культуры (бывшая библиотека классической филологии). В 1923/24 учебных годах читал курс истории Рима и новой истории²⁰.

Сохранился один из отчетов Дмитрия Петровича о преподавании западноевропейской литературы. Этот курс читался на втором курсе словесного отделения. В лекциях предполагалось дать общую историческую ситуацию, которая предвляла изложение собственно истории литературы со времени падения Западной римской империи до начала XVIII в. Часть лекций была посвящена выяснению того, как те или иные события отражались в западноевропейской литературе. Например, была прочитана тема “Столкновение между церковью и государством и отражение этого в литературе”, было уделено внимание и эпохе крестовых походов. Большое внимание в курсе уделяется народной литературе и трудящимся массам, в частности крестьянству.

Параллельно Сергей Петрович работает и в Казанском университете, где является лектором латинского языка на медицинском факультете и итальянского на Факультете общественных наук. Сотрудничает С.П. Шестаков и с рабфаком, где он также преподает языки — немецкий и латинский²¹.

Радикальные изменения в общественно-политической жизни российского общества после Октябрьской революции оказали сильное влияние на развитие исторической науки в стране. Это нашло свое отражение в изменившейся тематике исследований и в снижении интенсивности исследовательской деятельности, хотя последнее, скорее, выражалось в количестве публикаций, а не в действительных исследованиях и планах научной деятельности ученых. Очень часто многие исследования оставались в рукописях, так и не увидев свет. В 20-е годы практически прекратилась исследовательская работа по всеобщей истории в Татарстане. Большинство историков или покинули Казань, или прекратили свою научную деятельность. С.П. Шестаков продолжал заниматься научной деятельностью.

В 1921 г. при закрытии историко-филологического факультета обсуждался проект организации пяти гуманитарных институтов. К проекту был приложен перечень исследований, предполагавшихся на каждом из них. С.П. Шестаков предполагал осуществить следующие исследования в институте лингвистики и литературы: “исследование языка позднего аттицизма”, “исследование творчества новогреческих поэтов”.

¹⁹ НАРТ Ф. Р-1487. Оп. 1л. Д. 94. Л. 5.

²⁰ Там же. Д. 53. Л.6; Оп. 1л. Д. 94. Л. 5; Оп. 1. Д. 39. Л. 3, 4 об.

²¹ Архив Российской Академии Наук. Ф. 411. Оп. 4-а. Д. 14. Л. 3.

Но больший интерес для него представляло изучение истории Византии. Здесь от исследования источников он переходит к исследованию собственно исторических проблем, хотя источники продолжают его интересовать. Предполагались следующие программные сюжеты: “Внутреннее положение Византийской империи в IV в. (по произведениям Либания и других)”, “Культурные отношения Византии и западных стран”, изучение положения промышленного торгового классов. Из источниковедческих тем он наметил разбор Летописи Продолжателя Феофана с исторической точки зрения²². На разработку программ практических занятий влияла новая идеология. Так, на занятиях по истории Византии предполагалось рассматривать положение трудящихся масс и делать это исключительно по источникам. Таким образом, С.П. Шестаков пытался сохранить традиции исторического образования, но в то же время приспособить тематику своих курсов к официальному направлению в исторической науке.

В период работы в ВПИ им были подготовлены работы: “Античный социализм и его связи с социализмом нового времени”, “Трудовые массы в древнем мире, их организация и зарождение кооперации” (1921). В 1922 г. С.П. Шестаков начал разработку следующих тем: “Положение земледельческого и ремесленного классов в византийскую эпоху, по данным папирусов”, “Проблема происхождения скифов, по данным литературных и археологических источников”, “Религиозные и моральные искания IV в. по Р. Хр. в произведениях Юлиана Отступника и Либания”.

Но эти работы, тематика которых явно отвечала новым потребностям и установкам, ученому не удастся опубликовать. Поэтому он все чаще обращается к переводческой деятельности и исследованию языков народов Поволжья. С февраля 1928 года Шестаков становится сверхштатным преподавателем финского языка в Восточно-педагогическом институте на марийском и вотском отделениях. Предварительно он провел большую работу и подготовил к печати ряд работ по финно-угорской филологии. А.С. Шофман отмечает, что в это время он большое количество докладов по этой тематике читает на заседаниях этнографической секции ОАИЭ и на научных собраниях в ВПИ²³, однако и эти работы остались неопубликованными. В 1920-е годы С.П. Шестакову удалось опубликовать несколько работ по истории Византии²⁴ и Древней Греции²⁵.

²² НАРТ. Ф. Р-1337. Оп. 1. Д. 4. Л. 8 об.

²³ Шофман А.С. С.П. Шестаков и его византийские штудии // ОРРК НБЛ КГУ. Ф. 24. Ед.хр. 138. Л. 16.

²⁴ Шестаков С.П. Завещание общинного врача Фебаммона // ИОАИЭ. 1919. Т. XXX. Вып. 2.; *его же*. Заметки к стихотворениям codicis Marciani gr. 524 // ВВ. 1926. Т. 24.; *его же*. К истории Греко-болгарских отношений в третьем десятилетии X в. Отд. оттиск из сборника “Byzantinoslavica”. 1929. Т. 1; *его же*. К вопросу об авторе продолжения Феофана // Deuxieme Congres International des Etudes Byzantines. Belgrad, 1927. Compte-rendu. Belgrad, 1929.

Дмитрий Петрович воспринял происходившее в стране очень трагично. По свидетельству его сына, Петра Дмитриевича, однажды Дмитрия Петровича застали сжигающим свои бумаги. “На вопрос, зачем он это делает, Дмитрий Петрович ответил, что теперь все это потеряло значение, никому не интересно и не нужно”, — вспоминает его сын²⁶.

В летние каникулы 1925 года Д.П. Шестаков поехал во Владивосток к сыну. Природа Дальнего Востока так полюбилась Дмитрию Петровичу, что он, получив по окончании каникул отпуск без сохранения заработка в ВПИ, остается во Владивостоке, становится научным сотрудником Дальневосточного университета. Там он работает в качестве ученого секретаря издательства университета и референта по иностранной литературе университетской библиотеке. Дмитрий Петрович пишет в это время ряд работ по методике преподавания иностранных языков.

В 1926 г. ему была назначена профессорская академическая пенсия, что позволило больше времени посвящать поэтическому творчеству. В период жизни во Владивостоке им было написано около 250 стихотворений, которые признаются лучшими в его поэтическом наследии.

В 30-е годы и С.П. и Д.П. Шестаковы находились в Казани. Дмитрий Петрович возобновляет свою научно-педагогическую деятельность в ВПИ (с 1934г. — Казанский государственный педагогический институт). Будучи академическим пенсионером, он до последних дней жизни работает в качестве внештатного профессора греческого языка, проводя занятия с аспирантами исторического факультета КГПИ. Умер Дмитрий Петрович в июне 1937 года в Казани от инфаркта миокарда²⁷.

С.П. Шестаков до 1933 г. остается лектором латинского языка на медицинском факультете, немецкого на рабочем факультете КГУ. С 1936 г. он работает в Научной библиотеке Казанского университета, где составляет каталоги античной и средневековой литературы, и каталог редких книг из собрания библиотеки.

В июле 1931 годы готовилось обвинительное дело “О контрреволюционной деятельности группы профессоров и преподавателей Казанского Восточно-педагогического института и Казанского университета и его студенческих разветвлений в тех же вузах, обвиняемых по ст. 58-11 УК РСФСР”. Среди арестованных по этому делу оказался и С.П. Шестаков. Однако большинство арестованных историков было выпущено²⁸.

²⁵ Шестаков С.П. Смерть и демоны смерти в представлениях древних и новых греков // ИОАИЭ. 1923. Т. 32. Вып. 2; Шестаков С.П. Заметки к Гомеру (представлено акад. С.А. Жебелевым в ОГН 29 октября 1929) // Доклады АН СССР. 1929.

²⁶ *Его же*. Стихотворения // ОРРК НБЛ КГУ. Ф. 21. Ед. хр. 12. Л. 155.

²⁷ Там же. Л. 102–105.

²⁸ Литвин А.Л. Репрессированная наука // Эхо веков. 1998. № 3–4. С. 206.

В этот же период С.П. Шестаков знакомится с профессором анатомии В.Н. Терновским, который увлек его работой над переводом труда Андрея Везалия “О строении человеческого тела”. Часть этого перевода была издана в “Ученых записках Казанского университета” в 1930 г.²⁹

В.Н. Терновский начал работать над переводом еще в 1920-е годы, в начале 1930-х он переезжает в Казань, где работа была продолжена уже в сотрудничестве с С.П. Шестаковым. В 1934 г. была начата переписка с Академией наук об издании перевода. В результате перевод был включен в издательские планы на 1937 г. Института истории науки и техники АН СССР. Однако изданию помешала ликвидация этого института в 1938 г. И полностью перевод труда Андрея Везалия “О строении человеческого тела” был издан лишь в 1950–1954 гг. в 2-х томах объемом около 1000 страниц каждый³⁰.

В конце 30-х годов С.П. Шестаков был приглашен к сотрудничеству Институтом мировой литературы им. М. Горького для написания глав в учебник по истории древнегреческой литературы. С.П. Шестакову было предложено написать главы о греческом эпосе, его развитии, поэмах Гомера и гомеровском вопросе. В протоколах заседаний секции античной литературы находятся материалы обсуждения глав, представленных С.П. Шестаковым. Все признавали высокую научность текста, однако были сделаны и замечания, в частности, критиковалась тяжеловесность стиля автора, более пригодного для научной статьи, чем для учебника, отсутствие выводов, а также следование в некоторых вопросах за Эд. Мейером, что было неприемлемо. На заседаниях было решено переделать присланные тексты С.П. Шестакова в более приемлемые для учебника. Работа эта была поручена Б.В. Горнунгу и Ф.А. Петровскому³¹. Учебник был написан к 1940 г., однако издан был лишь в 1946 г. В итоге С.П. Шестаков значился автором раздела о греческом эпосе и нескольких параграфов раздела о греческой драме.

Умер Сергей Петрович Шестаков в 1940 году в Казани. Академик М.М. Покровский на заседании секции античной литературы в Институте мировой литературы, сообщая о смерти С.П. Шестакова, дал ему такую характеристику: “Это был человек широкого филологического образования, не только эллинист-классик, но и очень опытный византист, который имел заслуженную известность”³².

²⁹ См.: Андрей Везалий. О строении человеческого тела / Перевод (с изд. 1725 г.) члена-корр. АН СССР, проф. С.П. Шестакова, под ред. проф. анатомии В.Н. Терновского // УЗКУ. 1930. Т. 90. Кн. 2, 6.

³⁰ *Его же*. О строении человеческого тела / Пер. чл.-корр. АН СССР, проф. С.П. Шестакова, под ред. проф. анатомии В.Н. Терновского. М.: Изд-во АН СССР, 1950–1954. Т. I–II.

³¹ См.: Архив Российской Академии наук. Ф. 397. Оп. 1. Д. 12. Л. 20; Д. 51. Л. 185–210; Д. 53. Л. 160–173; Д. 79. Л. 10–39, 50–191.

³² Архив Российской Академии наук. Ф. 397. Оп. 1. Д. 80. Л. 31.

Сергей Петрович и Дмитрий Петрович по-разному восприняли происходившее в стране после Октября 1917 г. Для Д.П. Шестакова это с самого начала была трагедия. Он, почувствовав себя ненужным, разочаровался в том, чем он занимался всю свою жизнь. С.П. Шестаков, напротив, старался приспособиться к новым условиям, работать над тем, чтобы сохранить традицию гуманитарного образования и гуманитарных исследований в России.